

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОНФЛИКТНОЕ УЧАСТИЕ

***Аннотация.** Приводятся результаты исследования групповых идентичностей российского населения. Эмпирической основой проекта являются репрезентативные исследования в регионах РФ. С помощью статистических процедур факторного и кластерного анализа было выявлено пять типологических групп, у которых представления о групповой идентификации – т.е. группах, с которыми они ощущают общность, оказываются различными. Ключевыми дифференцирующим показателями для различных типологических групп являются факторы: образования и профессии; достатка; территории (идентификация с жителями города, области); религии и национальности. Вместе с тем, обращает на себя внимание, что в структуре населения существует весьма большая типологическая группа (более трети опрошенных), у которых не наблюдается ярко выраженных идентификационных ориентаций. При этом наиболее распространенные идентификации – возможность отождествления с людьми аналогичного возраста или близкими по образу жизни оказываются присущими в более или менее равной мере представителям всех указанных выше кластеров. Применительно к территориальному разрезу идентичностей для более, чем двух третей респондентов лидирующими являются такие самоидентификации как «гражданин России», «житель своего города, района». Рассматриваются также вопросы о том, какими среди респондентов с различными групповыми идентичностями являются ориентации на конфликтное участие в интересах своей национальной группы. Делается вывод о том, что наиболее распространенной установкой на конфликтное участие оказывается у представителей групп, где ключевыми идентификационными признаками являются территория или религия и национальность.*

***Ключевые слова:** социология, идентичность, национализм, этничность, конфликт, напряженность, общности, протест, идеология, регионализм.*

Введение

В фокусе внимания статьи находится проблематика национальной идентичности. Это обусловлено как собственно научными задачами, так и потребностями практики. Известно, что национальная проблематика занимает одну из ведущих позиций в российской социально-политической повестке дня. В этой связи более глубокое понимание идентификационных особенностей граждан РФ в части их национального «измерения» отвечают насущным потребностям практики социального управления. В работе рассматриваются следующие вопросы. Каково содержание групповых идентичностей современных российских граждан? В чем состоят социально-демографические и прочие социо-структурные особенности идентичностей? Какое место здесь занимают этно-конфессиональные и другие составляющие? Как различные типы идентичностей, распространенных в российском обществе соотносятся с установкой на конфликтное участие?¹

Об интерпретации понятия идентичности

Как известно, процесс идентификации представляет собой отождествление индивида с другим индивидом или группой на основе некоторых общих норм, ценностей, ролей². Идентичность фиксируется через набор некоторых индикаторов, «маркеров», посредством которых это отождествление происходит, другими словами, люди «приписывают» себя к группе. Важной особенностью идентичности является то, что она является отношением, которое закрепляется или переопределяется в ходе социального взаимодействия. В рамках идентичности правомерно выделять индивидуальный и групповой уровни, причем различие это оказывается условным, поскольку представления индивида о самом себе являются, в конечном счете, результатом интериоризации социальных норм. При этом позиционирование индивидов в социальном пространстве происходит с использованием идентификационных механизмов, которые имеют

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №11-03-0067а

² Социологический энциклопедический словарь. М. 1998. С. 93.

множественный характер. Решающим в проявлении этнической идентичности являются не фенотипические характеристики, язык, культура, религия, а то значение, которым эти признаки нагружаются в процессе социальной коммуникации³.

Заметим, что современной российской практике зачастую происходит содержательное «наложение» понятий «нации» и «этнос». Это определяется наличием собственно русскоязычной и зарубежной трактовок понятий. Причем в первом случае имеет место определенная преемственность в трактовках с советской обществоведческой традицией, когда нация означала этническую общность или «национальность». В международной терминологии «нация» - это общность по гражданству, по государству, общегосударственным политическим и культурным традициям, вне зависимости от этнического состава населения данного государства⁴.

В современной гуманитарной науке применительно к национальной идентичности принято выделять несколько ее типов. В частности, выделяется «гражданская» концепция, когда условием признания человека гражданином является его рождение на территории страны. Здесь ключевым является представление о том, что гражданскую нацию объединяют ценности более высокого порядка, нежели этничность – власть закона, основанная на конституции; демократические свободы, права и обязанности; гражданская культура, в которую включены все граждане. В рамках «этнической» концепции идентичности акцент делается на происхождении, а ее предпосылкой является принятие и ассимиляция всеми ценностей и культуры большинства – титульного этноса. Интерпретация национальной идентичности возможно также в рамках мультикультуралистских трактовок, где за всеми этносами, проживающими на определенной территории признаются равные права, а их культурное наследие рассматривается как неотъемлемая часть культуры всего общества^{5,6}.

³ Новая философская энциклопедия. М. 2010. Т. 2. С79.

⁴ Чешко С. Доктрина самоопределения: иллюзии и реальность // Мультикультурализм и трансформации постсоветских обществ. С. 2002. С. 238.

⁵ См.: Smith, A. D. National Identity. London: Penguin.1991.; Brown, D. Ethnic conflict and civic nationalism: A model / Identity matters—ed. by J. Peacock, P. M.Thornton, P. I. Inman. NewYork: Berghahn. 2007.

⁶ Мультикультурализм и трансформация постсоветских об-

Эмпирическая основа исследования

Эмпирической базой данной работы является ряд исследований, проведенных Институтом социально-политических исследований РАН. Анализируются данные всероссийских опросов, проведенных в 2009 и 2011 гг⁷. Также используются репрезентативные эмпирические данные, полученные в ходе сравнительных исследований в Москве и Мордовии (2011, 2012 гг.)⁸.

Среди эмпирических индикаторов идентичности использовались характеристики общностей, с которыми респонденты чувствовали близость; также использовались индикаторы индивидуального самоопределения в территориальном измерении; факторы, сближающие и разъединяющие граждан страны. Поскольку групповые и индивидуальные идентичности непосредственно соотносятся с ценностями людей, то в работе использовался набор показателей, фиксирующих ценностно-нормативное пространство респондентов в его социально-политическом измерении. Также использовались индикаторы, отражающие особенности состояния этноконфессиональных отношений.

О пространстве российской идентичности

Отправной точкой исследования современного состояния российской идентичности является вопрос о том, с представителями каких групповых общностей респонденты отождествляют себя в первую очередь: «О ком вы могли бы сказать «это Мы?»». Сравнительные данные по этому вопросу приведены в табл. 1.

ществ // Под.ред. Малахова В.С. и Тишкова В.А. М. 2002. С. 48-60.

⁷ Количество опрошенных N=2110 (2009 г.), N=2000 (2011 г.). Руководитель исследования акад. Осипов Г.В., чл. корр. РАН Шульц В.Л., д.с.н. Локосов В.В.

⁸ Количество опрошенных N=650 (2011 г.), N=510 (2012 г.). Руководитель исследования к.с.н. Кублицкая Е.А.

**Мнение респондентов о том, с кем они ощущают близость, общность
(% от числа опрошенных, можно было отметить не более 5 позиций)**

	2009, %	2011, %
С людьми, ведущими такой же образ жизни	51,8	56,0
С людьми моего поколения, возраста	51,3	57,5
С людьми той же профессии, рода занятий	37,1	45,5
С людьми того же достатка, что и я	24	28,8
С жителями моего города, района	22,8	17,1
С людьми моего уровня образования	18,1	22,5
Со всеми гражданами России	14,9	10,4
С людьми моей национальности	10,9	9,2
С людьми моей религиозной веры	6,2	9,9
С жителями моей области, края, республики	6,1	7,4

Результаты фиксируют, что в пространстве групповых идентичностей можно выделить несколько устойчивых «векторов». Первый и наиболее ярко проявляющийся – это образ жизни и возраст. Именно с людьми близкими по этим параметрам респонденты чаще всего отождествляют себя (56%-57%). Вторым, ярко выраженным измерением является профессия и род занятий (45%). Такие характеристики идентификации, как уровень достатка людей оказывается близким для 28% респондентов. Другие «измерения» получили меньшее число номинаций. Показательно, что характеристики гражданской, этнической или религиозной близости оказываются значимыми для относительно небольшой доли опрошенных (9%-10%). Приведенная иерархия оказывается в целом стабильной в течение последнего времени.

Имеются ли отличия в приведенных данных в связи социально-демографическими параметрами? В целом кардинальных отличий здесь не обнаруживается. Вполне ожидаемыми, как представляется, оказывается более ярко выраженная склонность идентифицировать себя с людьми своего поколения и жителями своего города и района у представителей более молодых групп респондентов, прежде всего, в возрасте «18-24 года». В более старших возрастных группах несколько чаще, чем в среднем по массиву, опрошенные идентифицируют себя с людьми одинакового с ними уровня образования и достатка.

Религиозная близость оказывается в большей степени присущей для респондентов в средней возрастной группе «30-39 лет». Значимость характеристики общегражданской и этнической идентичности распределена в различных социально-демографических группах более или менее равномерно. Интересно, что показатели дохода также не слишком сильно дифференцируют респондентов в связи с различными координатами идентификации. Несколько отличным от средних показателей является предрасположенность более состоятельных респондентов не отождествлять себя с жителями «моего города и района» и «людьми моего поколения»; и, наоборот, несколько более важным для отождествления с другими людьми здесь является уровень образования.

На следующем этапе анализа нами был поставлен такой вопрос. Нельзя ли в имеющемся многомерном пространстве идентичностей выявить некоторые устойчивые в статистическом плане группы ориентаций? В этой связи к имеющемуся массиву данных были последовательно применены процедуры факторного и кластерного анализа.

Процедура факторного анализа позволяет статистически обоснованно сгруппировать имеющие первичные индикаторы идентичностей в некоторые макрокатегории. Т.е. осуществляется сокращение размерности данных и образуются новые координаты понимания того, как «организованы» представле-

ния респондентов в связи с проблематикой группой идентичности. Для проведения факторного анализа использовался метод главных компонент с последующим варимакс-вращением. В результате было выделено 4 фактора, объясняющих 50% вариации исходных переменных.

В содержательном плане результаты факторного анализа могут быть интерпретированы таким образом. В исходном содержательном пространстве идентичностей статистически обоснованным оказывается выделение четырех содержательных «осей» (факторов), вокруг которых тематически группируются десять возможных вариантов идентификации, предложенных респондентам для оценки.

Кoeffициенты корреляции в выделенных факторах с первичными индикаторами идентификации (которые отражены в названии факторов) оказываются высокими - больше 0,6 по абсолютной величине. Согласно проведенному анализу такими факторами являются:

Фактор 1 – Фактор образования и профессии

Фактор 2 – Фактор достатка. Заметим, что данный фактор предполагает противопоставление идентификационных характеристик: максимальные показатели идентификации с группой близкой респондентам по уровню достатка, с одной стороны; и минимальное отождествления себя со всеми гражданами России – с другой.

Фактор 3 – Фактор территории: идентификация с жителями города, области

Фактор 4 – Фактор религии и национальности

Для определения того, как в количественном плане среди опрошенных оказались представлены индивиды с различными типами идентификационных ориентаций, была реализована процедура кластерного анализа. Значения факторов были сохранены в файле данных регрессионным методом. Затем при помощи двухэтапного кластерного анализа была получена классификация респондентов, состоящая из пяти кластеров. Данные об этом приведены в Табл. 2.

Таблица 2

Распределение респондентов по группам (кластерам)

Кластер	Фактор образования и профессии	Фактор достатка	Фактор территории	Фактор религии и национальности	Объем кластера, %
1	1,47	0,08	-0,27	-0,23	18,9%
2	-0,56	0,22	2,25	-0,57	9,8%
3	-0,45	1,36	-0,34	-0,52	15,4%
4	-0,19	0,00	-0,20	2,01	14,6%
5	-0,31	-0,59	-0,21	-0,28	41,3%

Полученные результаты фиксируют, что в структуре российского населения существует несколько групп, у которых представления о групповой идентификации – т.е. группах, с которыми они ощущают общность, оказываются различными.

Для кластера 1 (его доля 18,9% в массиве в целом) на первый план выходит фактор образования и профессии;

- для кластера 2 (9,8%) – фактор территории (идентификация с жителями города, области);
- для кластера 3 (15,4%) – фактор достатка;
- для кластера 4 (14,6%) – фактор религии и национальности. При этом наиболее распространен-

ные идентификации – возможность отождествления с людьми аналогичного возраста или близкими по образу жизни оказываются присутствующими в более или менее равной мере представителям всех указанных выше кластеров.

Вместе с тем, обращает на себя внимание, что в структуре населения существует весьма большая группа населения – кластер 5 (41,3%), у которых не наблюдается ярко выраженных идентификационных ориентаций.

Выше было зафиксировано, что идентификация респондентов со всеми гражданами России распространена не столь широко – 10,4%. В этой связи бо-

лее подробно был изучен вопрос о «пространственно-территориальном» измерении идентичностей. Распределение на вопрос о важности для респондентов следующих самоопределений приведено ниже:

- Я - гражданин мира, планеты Земля - (32,4%)
- Я - гражданин России – (67,9%)
- Я - житель своей области, края, республики – (57,4%)
- Я - житель своего города, района – (68,6%)

Проведенный нами факторный анализ показывает, что региональная идентичность носит более сложный, комплексный характер и одновременно вбирает в себя измерение российское, региональное и локальное.

Каким образом сочетается российская идентичность и идентичность «глобальная» (гражданин мира, планеты Земля)? Здесь с помощью кластерного анализа удалось выявить наличие следующих групп респондентов. Во-первых, это те, кто ярко выраженной идентичностью не обладают – (18,4%); во-вторых, это респонденты, относящие себя в первую очередь к глобальной общности (27,3%); в третьих, это

те, кто разделяют различные сочетания российской идентичности (гражданин России, житель области, житель района)- (54.3%).

Социально-демографические признаки не являются в целом яркими чертами, характеризующими особенности указанных выше типологических групп. Единственное отличие – уровень образования. Доля лиц с высшим и неоконченным высшим образованием среди относящих себя к «глобальной общности» - 61%, тогда как среди тех, кто разделяет российскую идентичность – 49%.

Идентичность и конфликтное участие

Одна из задач исследования состояла в оценке ориентаций на конфликтное участие респондентов с различными типами идентичностей. Начнем с того, что приведем общие распределения установок на конфликтное участие на стороне своей национальной группы. Данные по этому вопросу применительно к России в целом, а также по Москве и Мордовии приведены в табл. 3.

Таблица 3

Считаете ли вы возможным для себя принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы? (Данные в %)

	Россия в целом	Москва	Мордовия
Да, безусловно	8,2	12,4	13,0
Все зависит от обстоятельств	46,4	42,0	48,6
Ни в коем случае	18,4	29,4	23,0
Затрудняюсь ответить	27,1	16,2	15,4

В целом, на наш взгляд, результаты свидетельствуют о достаточно высоком уровне конфликтного потенциала. Так, о своем безусловном участии в конфликте на стороне национальной группы заявляют от 8% до 13% респондентов. Вместе с тем, на свое вероятное участие («с учетом обстоятельств») указала существенно большая доля участников исследования – порядка половины опрошенных. Среди социально-демографических параметров наиболее значимыми оказываются характеристики пола и возраста. Мужчины в два раза чаще проявляют ориентации на конфликт, нежели чем женщины. Также наиболее

активны в проявлении конфликтных установок представители более молодых возрастных групп – индивиды в возрасте «18-29» против представителей других возрастов. Указанные особенности оказываются присущими для всех регионов исследования.

Существуют ли отличия в ориентациях на участие в конфликте на стороне своей национальной группы среди респондентов, относящихся к различным идентификационным группам? Данные по этому вопросу приведены в таблице 4. Напомним, что исходным для расчетов здесь был массив опрошенных по России в целом.

Участие в конфликте на стороне своей национальной группы среди опрошенных с различными доминантами идентичности (в % от числа опрошенных в группе)

Участие в конфликте на стороне своей национальной группы:	Группы респондентов с преобладающими признаками идентичности:				
	Кластер 1. “Образование и профессия”	Кластер 2. “Территория – город, область”	Кластер 3. “Достаток”	Кластер 4. “Религия и национальность”	Кластер 5. “Нет доминанты”
Да, безусловно	4,2	13,9	5,1	15,2	7,3
Все зависит от обстоятельств	48,1	50,4	44,2	42,6	46,8
Ни в коем случае	11,0	9,5	19,1	20,6	22,9
Затрудняюсь ответить	36,7	26,3	31,6	21,6	23,1

Обратим внимание на следующее важные, по нашему мнению, моменты. Наименее активны в указании своего однозначного участия в конфликте являются респонденты, относящиеся к группам у которых доминантой идентичности является образование или профессия или достаток (4.2%, 5.1%). Наиболее распространенной установка на конфликтное участие оказывается у представителей групп, где ключевыми идентификационными признаками являются территория или религия и национальность (13,9%, 15,2%). Вместе с тем, респонденты кластера 4 – с доминированием религиозной и национальной идентичностей – оказываются максимально толерантными. Т.е. в данной группе весьма высокой по сравнению с другими кластерами оказывается доля тех, кто не будет участвовать в конфликте «ни в коем случае».

Заключение

Результаты проведенного анализа фиксируют, что групповая идентичность российского населения имеет многомерный характер. Наиболее распространенными здесь являются образ жизни и возраст - именно с людьми этих характеристик большая часть респондентов идентифицирует себя. Вместе с тем, исследование позволило выявить, что структура идентичностей населения не является однородной. Другими словами, были определены несколько групп или кластеров, где доминирующими являются такие идентификационные параметры, как образование и профессия; территория проживания (область, город); уровень

достатка; религия и национальность. При этом ориентация на людей сходного образа жизни и возраста оказывается в равной мере присущей всем кластерам.

В ранжированном ряду оценок тех групп, с которыми респонденты ощущают близость, позиция «со всеми гражданами России» оказалась не слишком популярной и была присущей только десятой части всех респондентов. С одной стороны, это дает основания говорить о том, что общегражданская идентичность является весьма низкой. С другой стороны, результаты показывают, что, будучи помещенной в другой – «пространственно-географический» контекст измерений, картина меняется. Позиция «Я – гражданин России» оказывается столь же популярной как и позиция «Я – житель своего города, района» - около 68% опрошенных разделяют это мнение.

Исследование подтвердило, что в целом в российском обществе наблюдается достаточно высокий уровень конфликтности – возможности принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы. Показательно, что наиболее распространенной установка на конфликтное участие оказывается у представителей групп, где ключевыми идентификационными признаками являются территория или религия и национальность. Судя по всему, группа с доминирующей религиозной и национальной идентичностью является в этом вопросе «поляризованной». В этой группе одновременно наибольшей является доля тех, кто не будет принимать участие в конфликте «ни в коем случае».

Как представляется, полученные результаты имеют прикладные следствия. В частности, крайне важным оказывается формирование общегражданской российской идентичности. При этом факторы национальной или традиционной конфессиональной принадлежности должны не столько «зату-

шевываться», сколько находиться в органическом единстве с представлением о современной России, как уникальном образовании – полиэтнической цивилизации, народы которой объединяют общие ценности, культура, история, равно как и общий проект будущего.

Библиография

1. Дробизева Л.М. Российская идентичность и межэтнические отношения / Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М., 2011.
2. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
3. Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. М., 1999.
4. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010.
5. Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. М., 1994.
6. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под. ред. Малахова В.С. и Тишкова В.А. М., 2002.
7. Идентичность / Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 2.
8. Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. М., 2003.
9. Чешко С. Доктрина самоопределения: иллюзии и реальность / Мультикультурализм и трансформации постсоветских обществ. С. 2002.
10. Brown, D. Ethnic conflict and civic nationalism: A model // Identity matters / ed by J. Peacock, P. M.Thornton, P. I. Inman. NY: Berghahn. 2007.
11. Smith, A. D. National Identity. London: Penguin. 1991.

References (transliteration)

1. Drobizheva L.M. Rossiyskaya identichnost' i mezhetnicheskie otnosheniya / Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov. M. 2011.
2. Kas'yanova K. O russkom natsional'nom kharaktere. M. 1994.
3. Kozlov V.I. Etnos. Natsiya. Natsionalizm. M. 1999.
4. Krylov M.P. Regional'naya identichnost' v Evropeyskoy Rossii. M. 2010.
5. Lur'e S.V. Metamorfozy traditsionnogo soznaniya. M. 1994.
6. Mul'tikul'turalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv / Pod. red. Malakhova V.S. i Tishkova V.A. M. 2002.
7. Identichnost' / Novaya filosofskaya entsiklopediya. M. 2010. T. 2.
8. Filippov V. R. Kritika etnicheskogo federalizma. M. 2003.
9. Cheshko S. Doktrina samoopredeleniya: illyuzii i real'nost' / Mul'tikul'turalizm i transformatsii postsovetskikh obshchestv. S. 2002.
10. Brown, D. Ethnic conflict and civic nationalism: A model // Identity matters / ed by J. Peacock, P. M.Thornton, P. I. Inman. NY: Berghahn. 2007.
11. Smith, A. D. National Identity. London: Penguin.1991.